

ДОГОВОРНАЯ ШКОЛА В РСФСР: ИСТОРИЯ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В истории развития народного образования в Советской России можно выделить несколько периодов. Первый из них охватывал 1917-1921 гг. В это время руководивший народным образованием Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос, НКП) проводил политику централизации управления народным просвещением, одним из проявлений которой было централизованное финансирование всех культурно-просветительных учреждений. Однако к концу данного периода стало очевидным, что государственный бюджет не в состоянии содержать все учебные заведения страны. Хотя изначально нарком просвещения А. В. Луначарский ставил вопрос о необходимости улучшить условия жизни народных учителей России, в 1921 г. зарплата учителя советской школы составляла не более 20% жалования народного учителя при царизме¹.

В связи с неспособностью государства полностью финансировать работу учебных заведений уже в 1921 г. ведутся поиски альтернативных источников финансирования российского народного образования. В ходе этих поисков в РСФСР и появился новый тип учебных заведений – договорная школа, функционировавшая на основании договора, заключавшегося между местными органами народного образования и сельскими жителями, дети которых обучались в такой школе.

В публикациях советских и современных российских историков народного образования в РСФСР договорная школа или вообще не упоминается или только лишь называется в числе других типов учебных заведений².

Между тем, имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники (опубликованные выступления руководителей РКП(б), Наркомпроса на различных съездах, конференциях, совещаниях; постановления партийных и государственных органов; материалы, помещенные в периодических изданиях 20-х гг. XX в.) вполне позволяют исследовать вопросы об обстоятельствах появления договорной школы в РСФСР, об условиях работы учителей в этих школах, о месте данных школ в истории российского народного образования в советскую эпоху.

Переход правительства Советской России к новой экономической политике отразился не только на основных отраслях экономики страны, но и на сфере народного образования. В связи с непростым финансовым положением государства наметилась тенденция сокращения доли народного просвещения в расходной части государственного бюджета. Если в 1918 г. она равнялась 6,3%, в 1919 г. – 8%, в 1920 г. – 10,4%, то в 1921 г. – 8%, в 1922 г. – 4,2%³.

Сокращение финансирования народного образования привело к уменьшению числа просветительных учреждений и количества обучавшихся в них детей. Если в 1920/21 учебном году в РСФСР существовало 104.610 учреждений низшего общего образования с 9.211.351 учеником, то в 1921/22 учебном году – 99.396 учреждений с 7.918.751 учеником⁴.

Такое положение вызывало тревогу как центральной власти, так и ее местных органов. Стихийно появляются попытки поддержать школы привлечением ресурсов городского и сельского населения, хозяйственных органов, промышленных предприятий, кооперации и частно-правовых организаций.

Народная инициатива помощи школе была оформлена декретом СНК от 16 сентября 1921 г., который устанавливал определенный порядок использования местных средств для обеспечения существования просветительных учреждений РСФСР. Декретом узаконивались прикрепление школ и других просветительных учреждений к фабрично-заводским предприятиям и хозяйственным органам; создание в городах общественных комитетов содействия для увеличения средств на хозяйственные расходы школ. В сельских местностях предусматривалось целевое самообложение населения⁵. Этот декрет был дополнен постановлением Наркомпроса от 24 сентября 1921 г. о возможности проводить самообложение в натуральном виде – продуктами⁶.

В партийном руководстве попытки привлечения населения к содержанию школы вызвали неоднозначную оценку. Часть партийных лидеров, например, Г. Е. Зиновьев, выступила против введения элементов платности в системе народного просвещения. В ноябре 1921 г. всем партийным комитетам был разослан циркуляр ЦК РКП(б), в котором осуждалось «стремление поддержать просветительные учреждения неприемлемыми для коммунистической партии средствами», содержался призыв «принять меры к тому, чтобы

педагог не попал в зависимость от состоятельного обывателя, вносящего свои средства на содержание школы»⁷.

Однако В. И. Ленин в письме Г. Е. Зиновьеву от 8 сентября 1921 г. сообщал: «Привлечение местного населения, в особенности крестьян, к участию в содержании школ ... я считаю абсолютно правильным, безусловно спешно необходимым. ... С крестьян нужно брать больше и больше на содержание местных школ»⁸.

Руководство Наркомпроса в 1921 г. придерживалось консервативной позиции в вопросе финансирования народного образования, уповая на то, что в государственном бюджете будут увеличены средства на развитие просвещения и они позволят улучшить положение школы и ее работников. Согласившись на введение самообложения сельского населения, руководство НКП считало, что этим преобразования в деле финансирования сельской школы исчерпаны.

Но кампания по проведению самообложения велась не везде достаточно широко и энергично. Если в нескольких губерниях оно обеспечило школу на 70-80%, то в большинстве процент падал ниже 20%, и к августу 1922 г. в среднем он составлял 23%. Самообложение принимало обычно натуральный вид и воспринималось крестьянами, как лишняя прибавка к продналогу⁹.

Хотя в конце января 1922 г. началось понижение твердого государственного бюджета, которым было предусмотрено содержание работников просвещения, и полученные Наркомпросом в январе 1922 г. кредиты на зарплату могли обеспечить лишь 30-35% принятого производственным планом количества работников просвещения, Наркомпрос распределял получаемые средства между всеми работниками, предусмотренными первоначальным производственным планом НКП¹⁰.

В феврале 1922 г. созданный Наркомпросом съезд завгубоно высказался против допущения частной инициативы в деле просвещения и в особенности против платности обучения. НКП и съезд решили проводить прежнюю политику «закрытых глаз», т.е. самообложение в деревнях, комитеты содействия в городах, добавив к ним еще шефство, официально обозначавшее право любого коллектива или организации, пользующейся доверием Наркомпроса, снабжать школы средствами, поддерживать их материальное существование, не получая взамен никаких прав, кроме почетных.

Одновременно было принято обращение в высшие государственные органы с просьбой об увеличении средств на дело просвещения¹¹.

На съезде заведующих Губсоцвосами в мае 1922 г. Наркомпрос как будто признавал неизбежность введения частичной платности обучения и допущения частно-общественной инициативы в открытии и содержании школ, но потом снова вернулся на прежнюю «твердую» позицию¹².

На более реалистичных позициях в эти трудные для российского просвещения годы стоял ЦК Всероссийского профессионального союза работников искусств и просвещения (Цекиспрос). Уже в январе 1922 г. его Президиум пришел к выводам, сформулированным в следующих положениях:

1. В связи с развитием НЭП неизбежно сокращение государственного бюджета вообще и, в частности, бюджета Наркомпроса.

2. Т. к. сеть учреждений массового просвещения не может быть сокращаема беспредельно, то в ближайшем будущем неизбежен переход ее на местный советский бюджет, лишь с частичной поддержкой из общегосударственных ресурсов.

3. Для развития местного советского бюджета до таких размеров, при которых он действительно может дать достаточную материальную базу массового просвещения, потребуется довольно длительный период времени, в течение которого культурно-просветительные учреждения могут быть поддержаны только привлечением ресурсов городского и сельского населения, хозяйственных органов, промышленных предприятий, кооперации и частно-правовых организаций.

4. Однако такое привлечение указанных средств не может быть осуществлено мерами, намеченными декретом от 16 сентября 1921 г. Необходимо ставить вопрос о временных мерах законодательного характера, предоставляющих Наркомпросу право договариваться о содержании школ с заинтересованными учреждениями, организациями и населением.

5. Очередной задачей является проведение временных законов о школах, содержимых за счет других ведомств, сельских обществ, промышленных предприятий, частно-общественных организаций и коллективов, при чем, однако, руководство делом просвещения должно остаться за Наркомпросом независимо от того, кем содержится школа¹³.

Колебания Наркомпроса в момент тяжчайшего кризиса всего дела просвещения были оценены Цекиспросом как показатель того, что НКП не имеет никакой устойчивой позиции в вопросе о ближайших перспективах дела просвещения.

Для окончательного выяснения вопроса на Пленуме Цекиспроса в мае 1922 г. был поставлен доклад НКП о положении дела просвещения, на который Союз ответил резолюцией, которая заканчивалась требованием радикального обновления руководящих органов Наркомпроса¹⁴.

Весьма критическое отношение членов профсоюза к руководству Наркомпроса проявилось и на проходившем в сентябре 1922 г. V Всероссийском съезде профсоюзов. В выступлении одного из его делегатов прозвучало, что «весь аппарат Наркомпроса – это развалина, ... нужно не жалеть действительно ответственных и дорогих нам работников, чтобы укрепить его»¹⁵. А в принятом в качестве добавления к тезисам резолюций съезда говорилось: «Обращая внимание на катастрофическое положение государственных органов просвещения, V Всероссийский съезд профсоюзов считает необходимым ... усилить и освежить личный состав Наркомпроса и его местных органов»¹⁶.

Результатами деятельности НКП в начале 1920-х годов было недовольно и руководство РКП(б). 24 ноября 1920 г. по инициативе В. И. Ленина Политбюро ЦК партии создало комиссию для разработки плана реорганизации Наркомпроса. В нее вошли А. В. Луначарский, Е. А. Литкенс и Н. П. Горбунов¹⁷. Одним из последствий реорганизации Наркомпроса явилось значительное сокращение его штатов: с 8.000 чел. до 2.500 чел.¹⁸

8 декабря 1920 г. Пленум ЦК РКП(б) принял постановление, которым Е. А. Литкенс был назначен помощником наркома просвещения¹⁹. Одновременно он возглавил административно-организационное управление НКП, ведавшее административно-организационной и финансово-хозяйственной работой, исполнением сметы Наркомпроса, подготовкой законопроектов, информационной и статистической работой²⁰. Занимая эту должность, Е. А. Литкенс был вполне в курсе положения дел с финансированием просветительных учреждений в РСФСР. Именно он, по свидетельству наркома А. В. Луначарского, «выдвинул идею договорной кампании, передачи содержания школ или, по крайней мере, учительства на плечи местного населения»²¹.

Но решающее влияние на позицию Наркомпроса в вопросе о допустимости введения платности за обучение и о частной инициативе в деле просвещения оказало решение Наркомфина о снятии школ 1-й ступени с государственного снабжения с началом 1922/23 учебного года. По словам А. В. Луначарского, «Наркомфин говорил: нельзя, чтобы школы висели на крючке, который вбит в потолок госбюджета: крючок лопнет и школы провалятся – поэтому их нужно опустить на землю» (т.е. перевести и на другие источники финансирования)²².

Одним из таких источников и стало привлечение сельского населения к помощи школе. При этом решено было придать этой помощи более четкие организационные формы и привлекать к ней сельские общества не в обязательном порядке, а заключать с ними формальные договоры.

В результате целого ряда совещаний и комиссионного рассмотрения вопрос о методах обеспечения ресурсами сельской школы 27 июля 1922 г. был проведен через Коллегию НКП в форме замены метода «самообложения» методом договорной кампании с сельским обществом, непосредственно обслуживаемым данной школой. Проект типового договора, разработанный ЦК профсоюза работников просвещения, был с некоторыми дополнениями утвержден Коллегией НКП и разослан по всем ГубОНО в виде приложения к специально написанному для этой цели циркуляру²³.

В циркуляре было указано, что проект договора должен быть срочно обсужден в коллегии ГубОНО и согласован с местными особенностями, без нарушения основных его принципов, и по утверждению немедленно разослан в уездные ОНО для срочного применения на местах.

Циркуляр указывал на необходимость тщательно составлять приходно-расходную смету. Раскладка всех необходимых расходов должна происходить на сельском сходе, созываемом для обсуждения вопроса о договоре, при чем в протоколе схода (прилагаемом, как и смета, к договору) должен быть точно указан размер денежных и натуральных взносов, обязательных для перечисляемых поименно граждан. Точно должны быть фиксированы сроки выполнения обязательств. На сходе представители УОНО должны предложить гражданам определенно высказаться: согласны ли они взять на себя содержание школы – иначе школу придется закрыть, т. к. государство не в состоянии содержать ее, а частных школ оно не допустит.

Договор включал в себя обязательство полного содержания школы и в каникулярное время. ОНО предоставлял помещение школы с инвентарем. Если же школы в данном селе не было, то включался пункт об отводе обществом арендуемого помещения для школы, а также для квартир школьных работников. Дальше шли пункты: поддержание в полном порядке и проведение текущего ремонта в школьном здании, оплата труда школьных работников и технического персонала (по ставкам Союза Рабпрос), отопление и освещение школы и помещения для персонала, пополнение инвентаря, покупка учебных пособий, учебников и пр. Допускалась замена денежной платы труда всего персонала натурой, но по ценам не ниже рыночных.

УОНО, со своей стороны, назначало в школу учащихся с соответствующей педагогической подготовкой, устанавливая штат их и количество учащихся на каждого работника. Срок занятий устанавливался с 1 сентября до 1 сентября следующего года по планам и программам НКП и с установленными в общем порядке перерывами в занятиях. Договор возлагал на УОНО инструктирование и проверку учебной и хозяйственной работы школы, заботу о наилучшей постановке школьного дела, содействие представителям общества при их обращении по делам школы в различные учреждения и организации.

В заключение запрещалось существование всяких частных школ и предупреждалось, что в случае невыполнения гражданами условий договора ОНО сохраняет за собой право закрыть школу временно или на весь учебный год.

Но в договоре не были установлены формы сбора с населения его очередных взносов, условия хранения и расходования денежных взносов и дачи отчетности. Эта недоговоренность часто на местах вызывала определенную материальную зависимость всей школы от населения.

Договор и циркуляр определили только формальные отношения между договаривавшимися, не особенно четко установив гарантию полного выполнения условий договора²⁴.

Как отмечала в своем докладе на XIII съезде РКП(б) Н. К. Крупская, «за официальным договором следовал договор домашний, по которому учителю давалось гораздо меньше, чем по официальному»²⁵.

Таким образом, к началу 1922/23 учебного года в финансировании просветительных учреждений РСФСР произошли радикальные изменения. Основная часть школ должна была содержаться за счет средств местного бюджета и сельских обществ. В последнюю четверть

1922 г. доля государственного бюджета, отпускаемая Наркомпросу, упала до 3,5%²⁶.

Однако положение школ в результате таких перемен только ухудшилось. В эпоху военного коммунизма налоговая и финансовая политика РСФСР характеризовалась постепенным вытеснением налогов и стремительным падением роли и значения денег. Вместо налогов вводилась государственная монополия и разверстка. С переходом к НЭПу правительство постепенно переходило ко взиманию денежных налогов и отказывалось от налогов в натуральной форме. Переход к системе денежных налогов был закончен только к концу 1923 г.²⁷ Таким образом, школы были переведены на местный бюджет, которого в 1922 г. еще не существовало. В результате заработная плата работников просвещения была намного меньше, чем у рабочих других отраслей труда. В августе 1922 г. ставка рабочих производственных союзов равнялась 7,01 рублей (в товарных рублях по 1-му разряду), ставка работников просвещения – 3,27, в декабре, соответственно, 8,60 и 3,00, в январе 1923 г. – 8,95 и 3,00²⁸.

Именно в этот период были написаны „Странички из дневника” В. И. Ленина, в которых он констатировал, что „у нас делается ... безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения ... потребностей первоначального народного образования”²⁹.

Договорная школа уже в 1922/23 учебном году получила в РСФСР весьма большое распространение. В целом по РСФСР на 1 апреля 1923 г. по договорам содержалось более 13 тыс. школ, что составляло до 33% всей школьной сети 1-й ступени (в том числе в Самарской губернии – 827 школ, в Тюменской – 610, в Воронежской – 600, в Омской – 451, во Вятской – 573, в Ставропольской – 439)³⁰.

Но материальное положение договорных школ оказалось хуже положения школ, содержащихся за счет средств местного бюджета. Ставка учителя села определялась по договору с сельскохозяйственным обществом в 8-10 пудов зерна в месяц, что при переводе на денежную оплату составляло 50% государственного минимума. Причем, помимо невыплаты своевременно и полностью, наблюдались случаи полного отказа выполнять договоры, крестьяне отказывались выплачивать летние каникулы, отправляя учителей на “самопас”³¹.

Тяжесть материального и морального положения учителя договорной школы усугублялась тем, что ОНО перекладывали на него

заботу о заключении договора и контроль за его исполнением. Это приводило к тому, что крестьяне не соблюдали условий договора и с пренебрежением и даже враждебностью относились к учителям. После посещения школ Самарской губернии инспектор ОНО отмечал в своих путевых заметках: «Мужики до такой степени задерганы ужасами пережитого голода, что расходы на школу кажутся им кровной обидой. Много сел совершенно отказываются от школ. ... Учитель одичал, страшно утомился, изверился в надеждах на лучшие дни, и школьные занятия ему в нетопленной дымной школе кажутся каким-то проклятием. Рваный и голодный, он влачит жалкое существование. ... Некоторые учителя говорили мне буквально следующее: «Очень уж обидно, что никто не хочет вспомнить о нас. Власть на учительство в целом смотрит как на что-то контрреволюционное, вредное, отсталое, ненужное. ... Выйдешь к мужикам, станешь просить да кланяться – сколько одних насмешек выслушаешь, сколько унижений переживешь!»³².

Уже в первый год существования договорных школ опрос занятых в них учителей свидетельствовал о том, что ввиду прямого возложения на них обеспечения школы и учительства у крестьян выработался взгляд на школьных работников, как на дармоедов, паразитов, нищих³³. В уже упоминавшемся докладе Н. К. Крупской на XIII съезде РКП(б) отмечалось: «Сейчас в некоторых губерниях учитель сведен на положение пастуха в прошлое время. Учитель ходит из дома в дом, кормится и ночует в домах»³⁴.

Очень быстро руководители органов народного образования, начиная с уездных ОНО и заканчивая Наркомпросом, пришли к выводу о необходимости отказаться от договорных школ. Так, на съезде инспекторов ОНО в Гомеле был сделан вывод, что «договорная сельская школа ... в нашей губернии, как и везде, себя не оправдала и в большинстве случаев влачит жалкое существование»³⁵.

В принятом 12 июня 1924 г. постановлении Коллегии Наркомпроса отмечалось, что произведенное в феврале-марте 1924 г. обследование 7 волостей различных губерний по выборочной системе показало: «широко практикуемая система договоров с сельским населением себя не оправдывает ни с точки зрения материальной, ни с точки зрения политической. Фактически договора не реализуются, возбуждая лишь широкое недовольство среди крестьянских масс к представителям

Советской власти и к учительству, вынужденному брать на себя роль агентов ОНО по взысканию договорных сумм»³⁶.

Поэтому по мере укрепления местного бюджета на местах принимаются решения о возможно скором переводе договорных школ на местный бюджет. Губернский съезд районных инспекторов в Гомеле уже в январе 1924 г. признал необходимым включить договорные школы на содержание местного бюджета с будущего учебного года³⁷. На Средне-Волжском совещании завгубоно в мае 1924 г звучала мысль о том, что укрепление волостного бюджета, которое будет достигнуто к новому бюджетному году, даст возможность отказаться от договорной кампании³⁸.

В 1925 г. Наркомпрос обратился в СНК РСФСР с просьбой выделить из государственного бюджета средства для оплаты труда учителей договорных школ. В ответ на нее Совнарком предложил губ- и облисполкомам а также совнаркомам автономных республик включить с будущего бюджетного года (т.е. с октября 1925 г.) все договорные школы в сеть школ, находящихся на местном бюджете³⁹.

На местах процесс перевода договорных школ на местный бюджет к этому времени уже начался, а после упомянутого предложения СНК он ускорился. С 1 октября 1925 г. на местный бюджет было принято 1650 договорных школ. В некоторых губерниях (Вятской, Гомельской, Воронежской, Нижегородской, Тамбовской, Ленинградской и др.), по данным ОНО на 1 января 1926 г., в 1925/26 учебном году договорных школ совсем не было⁴⁰.

Таким образом, уже к 1925/26 учебному году договорная школа в РСФСР перестала быть массовым явлением, в отдельных губерниях количество таких школ исчислялось уже не сотнями, а максимум десятками. Процесс окончательного отказа от практики договоров ОНО с сельскими обществами завершился в результате того, что распоряжением НКП от 17 ноября 1925 г. было объявлено недопустимым открытие новых школ путем сохранения договорной системы 1922-23 г., которая, как указывалось в этом распоряжении, свелась к прикрытой платности обучения и поставила учителя в кабальную зависимость от кулачества. К началу 1926/27 учебного года существовавшие еще в отдельных губерниях договорные школы должны были быть переведены на начала совместного финансирования НКП и общественных организаций⁴¹.

Таким образом, возникшая в связи со снятием школ с государственного бюджета договорная школа существовала в РСФСР как массовое явление весьма недолгое время – с 1922/23 по 1924/25 учебный год. Она сыграла определенную роль в борьбе с сокращением школьной сети в республике. Но в то же время условия, в которых пришлось работать учителям этих школ, принесли тысячам школьных работников большие физические и моральные страдания, способствовали дальнейшему подрыву авторитета учителя и дискредитации учительской профессии в глазах, прежде всего, сельского населения страны.

Примечания

¹ См.: *Сергеев И. П.* Материальное положение “народного учителя” в Советской России в 1917-1921 гг. // *Вісник Харківського національного університету.* - №762. - Вип. 39. – Харків, 2007. – С. 185-198.

² См.: *Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. – М., 1948; *Дейнеко М. М.* 40 лет народного образования в СССР/Под ред. М. Ф. Шалаевой. – М., 1957; *Равкин З. И.* Советская школа в период восстановления народного хозяйства. 1921-1925 гг. – М., 1959; *Штамм С. И.* Управление народным образованием в СССР (1917-1936 гг.). Историко-правовое исследование. – М., 1985; *Августевич И. И.* История школы и педагогики России. 1917-1992. Учебное пособие. – Москва-Белгород, 1994; .

³ *Корнейчик Т.* Развитие системы народного образования РСФСР // *Педагогическая энциклопедия.* 2-е изд. Т. 1 / Под ред. А. Г. Калашникова. – М., 1927. – Стб. 1050.

⁴ *Статистические данные о положении грамотности и народного образования* // *Педагогическая энциклопедия.* 2-е изд. Т. 1 / Под ред. А. Г. Калашникова. – М., 1927. – Стб. 1118.

⁵ *Отчет* Центрального Комитета Всероссийского Союза Работников Просвещения 4-му Всероссийскому съезду. – М., 1922. – С. 7.

⁶ *Плюснин-Кронин Б.* Совместное финансирование школ // *Народное просвещение.* – 1926. - №4-5. – С. 23

⁷ *Содержание* политпросветучреждений и НЭП (Циркуляр всем Комитетам РКП: ноябрь 1921 г.) // *Спутник политпросветработника.* – М., 1923. - С. 20-21.

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 53. – С. 180.

⁹ *Плюснин-Кронин Б.* Совместное финансирование школ ... – С. 23.

¹⁰ *Долинко Л.* Материальное положение работников просвещения // *Путь просвещения.* – 1923. - №2. – С. 329.

- ¹¹ *Отчет* Центрального Комитета Всероссийского Союза Работников Просвещения 4-му ... - С. 11.
- ¹² Там же. – С. 13.
- ¹³ Там же. – С. 9-11.
- ¹⁴ Там же. – С. 13-14.
- ¹⁵ *Стенографический отчет* Пятого Всероссийского Съезда профессиональных союзов. С 17 по 22 сентября 1922 г. – М., 1922. – С. 417.
- ¹⁶ Там же. – С. 447.
- ¹⁷ *Паначин Ф. Г.* Управление просвещением в СССР. – М., 1977. – С. 52-53.
- ¹⁸ *Плюснин-Кронин Б. А.* Система народного образования РСФСР. Современная система и программы ГУС'а. – М., 1926. – С. 148.
- ¹⁹ *Паначин Ф. Г.* Указ. соч. - С. 53.
- ²⁰ *Эштейн М. С.* Управление и бюджет народного образования РСФСР // Педагогическая энциклопедия. 2-е изд. Т. 1 / Под ред. А. Г. Калашникова. – М., 1927. – Стб. 1085.
- ²¹ *Луначарский А.* Доклад Наркомпроса на II сессии ВЦИК // Народное просвещение. – 1924. - №9-10. – С. 8.
- ²² *Луначарский А.* Всеобщее начальное обучение (Доклад на III сессии ВЦИКа XII созыва)//Народное просвещение. – 1926. - №11. – С. 15.
- ²³ *Отчет* Центрального Комитета Всероссийского Союза Работников Просвещения 4-му ... - С. 60.
- ²⁴ *Плюснин-Кронин Б.* Совместное финансирование школ ... – С. 23-25.
- ²⁵ *Крупская Н. К.* О культурной работе в деревне (доклад на XIII съезде РКП)// Народное просвещение. – 1924. - №6-7. – С. 16.
- ²⁶ *Корнейчик Т.* Указ. соч. – Стб. 1046.
- ²⁷ *Лаврентьев В.* Заработная плата в России прежде и теперь. При капитализме и при диктатуре пролетариата. – Харьков, 1926. – С. 97.
- ²⁸ *Долинко Л.* Указ. соч. – С. 330.
- ²⁹ *Ленин В. И.* Странички из дневника//Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922-1925/ Под общей ред. А. Е Егорова и К. М. Боголюбова. – М., 1984. – С. 22.
- ³⁰ *Подземский А. Я.* Справочная книга по народному просвещению. – М., 1923. – С. 30-31.
- ³¹ *Долинко Л.* Указ. соч. - С. 330.
- ³² *Неверов А.* У самарских учителей (Путевые заметки)//Народный учитель. – 1924. - №1. – С. 81.
- ³³ *Познанский Н.* Новые побеги//Народный учитель. – 1924. - №1. – С. 87.
- ³⁴ *Крупская Н. К.* Указ. соч. – С. 16.
- ³⁵ *Гантман В.* Инспекторский съезд в Гомеле//Народное просвещение. – 1924. - №2. – С. 104.

³⁶ Коллегия Наркомпроса о культурном состоянии деревни//Народное просвещение. – 1924. - №4-5. – С. 4.

³⁷ Гаитман В. Указ. соч. – С. 104.

³⁸ Яковлева В. Н. О подготовке к новому учебному году (доклад на Средне-Волжском совещании завгубоно 28 мая 1924 г.)// Народное просвещение. – 1924. - №6-7. – С. 94

³⁹ Постановление СНК РСФСР об учащих договорных школ («Иzv.», 1925, 83)// Народный учитель. – 1925. - №5. – С. 125.

⁴⁰ Полянский А. Материальная база просветительной работы//Народное просвещение. – 1926. - №9. – С. 124.

⁴¹ Иванов В. К. Общая организация школы первой ступени//Педагогическая энциклопедия. 2-е изд. Т. 2/Под ред. А. Г. Калашникова. – М., 1928. – Стб. 204-205.

Резюме

Сергеев І. П. Договірна школа в РРФСР: історія та матеріальний стан

У статті з'ясовуються обставини, в яких виникла договірна школа в РРФСР, надається інформація щодо кількості таких шкіл в Радянській Росії, умов життя та праці вчителів договірних шкіл, робиться висновок щодо ролі договірної школи в історії народної освіти в РРФСР та її впливу на ставлення сільського населення республіки до вчителя та вчительської професії.

Шаповалова Е. А.

НА ПОРОГЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Важное и всевозрастающее значение во внешней политике Российской Федерации имеет Азия, в которой Япония, по словам Президента РФ В. Путина, «не только важный партнер сегодня, но и очень перспективный для России партнер. Мы хотим, чтобы все проблемы, которые еще остались от прошлого, были разрешены. И мы будем искать пути решения этих вопросов»¹.

В своей первой после вступления в должность программной речи Премьер-министр Японии С. Абэ назвал Россию одной из важных стран-соседей и заявил, что придает большую важность японо-российским отношениям². Посол Японии в РФ также особо подчеркнул в 2007 г., что «Россия для Японии является одним из главных соседей и важным партнером в международном сообществе»³.